

Глава 31. Белые дела (часть 4)

Когда прощание подошло к концу, толпа начала медленно покидать зал. Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян, отделившись от остальных, направились к пункту выдачи праха, чтобы забрать то, что осталось от Хромого Чжана.

Там им вручили небольшой матерчатый мешочек. Стараясь не просыпать ни пылинки, они бережно пересыпали пепел в заранее приготовленную шкатулку из ценного палисандра.

Глядя на этот лакированный ящичок, оба на мгновение замерли, охваченные глубокой тоской.

Вот она, человеческая участь. Блеск славы и звон золота, высокие чины и почести — в конечном итоге всё земное величие уместается в горсти серой пыли.

В этот миг жизнь и смерть предстали перед ними в ином свете, заставив ощутить скоротечность бытия каждой клеткой.

Забрав прах, они поспешили прочь из траурного зала. Путь их лежал на кладбище, раскинувшееся на склонах задней горы.

В это время один из работников крематория, узнав, что прах старика забрали и никаких странностей при этом не произошло, облегчённо перевёл дух.

— Только не возвращайтесь, только не возвращайтесь... — испуганно зашептал он, истово крестясь. — Покойтесь с миром, дедушка, идите своей дорогой и не оглядывайтесь! У меня дома старые родители и малые дети, не надо ко мне приходить!

Закончив причитать, он решил, что завтра же непременно отправится в храм — для верности нужно было поставить свечу и как следует помолиться.

Выйдя из здания крематория на свежий воздух, Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян увидели Ху Чжунфа.

— Мне пойти с вами? — спросил Ху Чжунфа. Казалось, после завершения официальной части похорон он немного пришёл в себя, хотя за последние три дня заметно осунулся и побледнел.

— Не стоит, дядя Ху, — мягко ответил Цинь Юэцзин. — Мы с братом сами всё сделаем, там есть смотрители, они помогут. Отдохните, вы и так сделали для учителя больше, чем можно было просить.

— Дядя Ху, отвезите пока Ду Шаоюаня и остальных в ресторан, — добавил Цзян Чэньян. — Мы закончим и сразу к вам. Оставьте нам только одну машину.

После похорон полагался поминальный обед. В отеле наверняка уже начали подавать закуски, ожидая прибытия гостей. Ду Шаоюань и его люди всё утро провели на ногах, помогая с организацией, и их следовало отблагодарить должным образом.

Ху Чжунфа понимающе кивнул. Он догадывался, что ученикам нужно напоследок сказать учителю что-то сокровенное, без лишних ушей.

— Хорошо. Поеду с молодёжью, а вы не задерживайтесь!

Пока они разговаривали, к ним подошёл мужчина лет сорока. Он выглядел нерешительным и явно растерянным.

— Вы ведь Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян? Я... — Он запнулся, не зная, как лучше представиться.

Ху Чжунфа, заметив, что разговор личный, поспешил откланяться:

— Ладно, вы общайтесь, а я уведу ребят.

Он махнул рукой Ду Шаоюаню и его свите:

— Господа, прошу к машинам! Помянем старейшину Чжана добрым обедом, проводим его как полагается.

— Согласны! — дружно отозвались те и быстро разошлись по автомобилям. Траурное настроение у них как рукой сняло: после того как они услышали виртуозную игру Цинь Юэцзина на кастаньетах-куайбань, на душе стало удивительно легко. Никто и подумать не мог, что на похоронах можно получить такое эстетическое удовольствие.

Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян проводили взглядом вереницу роскошных лимузинов, покидающих территорию. Лишь когда гул моторов затих, они обратили внимание на незнакомца.

Лицо мужчины казалось смутно знакомым, будто они видели его на фотографиях или мельком в новостях.

Это был не кто иной, как Сун Синьфан.

Увидев их вопросительные взгляды, Сун Синьфан покраснел, его голос дрогнул от подступивших слёз:

— Если соблюдать иерархию нашего цеха, я должен называть вас «шишу» — младшими

наставниками. Я Сун Синьфан из «Зала Льва и Тигра». По всем раскладам Хромой Чжан, старейшина Чжан... был мне двоюродным дедом по линии мастерства.

Вот оно что!

Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян обменялись понимающими взглядами. Так вот о ком шла речь в их недавних спорах. Перед ними стоял тот самый знаменитый мастер.

Однако Цинь Юэцзин, помня о старой вражде «Зала Льва и Тигра» с их учителем, мгновенно посуровел. Голос его стал холодным как лёд:

— Мой учитель давно порвал все связи с вашим залом. Мы учились у него чуть больше трёх лет и сами ещё зелены, так что не смеем претендовать на столь высокое обращение.

Слова Цинь Юэцзина били наотмашь: мы с вашим «Залом» знать друг друга не желаем, так что нечего здесь набиваться в родственники.

Сун Синьфан лишь тяжело вздохнул. Он предвидел, что ученики старика Чжана встретят его в штыки, но долг обязывал его довести дело до конца. Он достал из внутреннего кармана белый конверт.

— Простите... Я только сегодня узнал о случившемся и примчался как мог. Какие бы распри ни разделяли нас в прошлом, мы всё же коллеги по сцене. Я обязан был прийти и проводить старейшину в последний путь.

Опасаясь, что они откажутся, он поспешно вложил конверт в руку Цинь Юэцзина и трижды низко поклонился шкатулке с прахом, которую держал Цзян Чэньян.

Выпрямившись, Сун Синьфан тихо произнёс:

— Что бы ни случилось, знайте: если вам когда-нибудь понадобится помощь, вы всегда можете найти меня.

Сказав это, он развернулся и, не оглядываясь, пошёл прочь.

Ученики молча смотрели ему в спину. На душе было странно. Кто бы мог подумать, что в нынешнем «Зале Льва и Тигра» ещё остались люди, которые хранят память об их учителе?

— Идём, — прервал затянувшееся молчание Цзян Чэньян. — Нужно предать его земле.

Цинь Юэцзин кивнул, и они начали восхождение.

Кладбище при крематории располагалось на склоне холма. Оно было огромным и ухоженным: широкие мраморные ступени, ряды строгих чёрных надгробий, уходящие ввысь, и ровные шеренги сосен по обочинам дорожек. Место казалось величественным и спокойным.

Оба втайне поблагодарили Ху Чжунфа — он явно не поскупился, выбирая это пристанище для своего друга, Хромого Чжана.

Рассвет едва забрезжил. Первые лучи солнца, пробиваясь сквозь серую дымку облаков, коснулись вершины горы.

Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян медленно поднимались по ступеням. Их целью был самый верх — участок с лучшим видом, где и была выкуплена земля для Хромого Чжана.

На середине пути они заметили, что на кладбище уже начали появляться люди. Кое-кто уже устанавливал урны, кто-то приносил цветы и подношения, но из-за раннего часа здесь всё ещё царила тишина.

Они продолжали путь, как вдруг произошло нечто необъяснимое.

Поднялся яростный, сверхъестественный порыв ветра. Он нёс с собой тучи песка и мелких камней, хлестая по лицам с такой силой, что стало невозможно дышать. Ученики инстинктивно зажмурились, пытаясь устоять на ногах.

В следующее мгновение Цзян Чэньян почувствовал, как шкатулка буквально вырывается из его рук.

«Беда!» — мелькнуло в голове. Он попытался схватить её, но ветер словно пригвоздил его к месту, лишив возможности пошевелиться.

В этот краткий миг, пока они ничего не видели, крышка шкатулки сама собой распахнулась, и прах, подхваченный безумным вихрем, мгновенно растворился в воздухе.

Ветер стих так же внезапно, как и начался. Когда они открыли глаза, шкатулка валялась на камнях в десяти шагах от них.

Оцепенев от ужаса, они бросились к ней. Подняв палисандровый короб, они увидели, что он пуст. Ни пылинки не осталось внутри.

— Всё пропало... Что же нам теперь делать?!

Цинь Юэцзин смотрел на пустую шкатулку, прослезившись от отчаяния. Как такое могло случиться? Прах просто унесло ветром?!

Цзян Чэньян тоже был на грани паники, но, глядя на пустую коробку, он вдруг замер. Он напряжённо задумался.

— Погоди, — прошептал он, нахмурившись. — Не плачь. Посмотри на это с другой стороны. Тебе это ничего не напоминает? Помнишь ту историю, которую учитель рассказывал нам... про Хунчан-цзюня, правителя Западного Вэня?

— Это...

Цинь Юэцзин замер, широко раскрыв глаза. В памяти мгновенно всплыли слова старика.

«Говорят, в конце династии Хань жил правитель Хунчан-цзюнь. Однажды ночью, наблюдая за движением звёзд, он понял: его земной срок подходит к концу.

Узнав о близкой смерти, правитель пришёл в ужас. Он созвал сотни гадателей и магов, умоляя найти выход, но все в один голос твердили: судьбу не изменить.

Хунчан-цзюнь не желал смиряться. Через пару дней на его пороге появился иссохший, как щепка, даос. Он предложил безумный план: "Мнимая смерть и подмена".

Метод был прост: устроить пышные, но ложные похороны. Положить в гроб чужое тело, чтобы весь мир поверил в кончину правителя. Даос же обещал сотворить заклинание, которое затуманит взор Небес, позволив Хунчан-цзюню ускользнуть из-под надзора смерти.

Не имея иного выбора, правитель согласился. Он нашёл тело бродяги, которого никто не хватился бы, и начал тайно готовиться.

Всё шло по плану, но в день похорон, когда процессия была в пути, внезапно налетел яростный вихрь. Ветер был такой силы, что люди валялись с ног, едва не сорвав час погребения.

На самом деле этот ветер был не чем иным, как пришествием Невидимых Стражей — Уцанов из загробного мира, явившихся за душой.

Младший сын правителя был не по годам умён. Он почувствовал неладное в том внезапном урагане. После похорон он начал искать зацепки и в конце концов нашёл своего отца живым в глухой лесной чаще.

Отец и сын воссоединились, а Хунчан-цзюнь обманул саму Смерть...»

Тогда Хромой Чжан рассказывал эту историю вскользь, в ней было столько нестыковок, что Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян только посмеивались про себя.

Кто такой этот Хунчан-цзюнь? В истории о нём ни слова.

Как он мог сам предсказать свою смерть?

Почему его сын вдруг решил, что отец жив?

Зачем правителю прятаться в горах?

И куда делся тот загадочный даос?

Вопросов было море. Учитель до самой смерти так и не разъяснил суть этой притчи, но сейчас Цинь Юэцзин внезапно осознал главное.

«Неужели? Неужели?!»

Он сжал кулаки, сердце его забило в лихорадочном восторге. Он уже открыл рот, чтобы поделиться догадкой с братом, но в этот момент к ним подошёл мужчина в строгом костюме, помахивая рукой.

Цзян Чэньян мгновенно среагировал. Он жестом приказал Цинь Юэцзину молчать и быстро захлопнул пустую шкатулку.

Цинь Юэцзин подавил рвущуюся наружу радость и едва заметно кивнул, показывая, что всё понял.

— Вы родственники господина Хромого Чжана? — спросил подошедший. Это был сотрудник кладбища, ответственный за захоронение. — Пройдёмте, всё уже готово. Пора опускать прах.

Ученики послушно последовали за ним к могиле учителя.

Они стояли перед надгробием. С фотографии на них смотрел Хромой Чжан — смотрел со своей фирменной, слегка ехидной ухмылкой, будто издеваясь над всем миром.

Цинь Юэцзину вдруг захотелось рассмеяться. В этом был весь их учитель — повернуть такое даже после смерти!

Зная, что у старика, возможно, остался шанс на спасение, они почувствовали, как с души свалился огромный камень. Они даже невольно улыбнулись.

Сотрудник кладбища, заметив их странное спокойствие, решил, что ребята просто смирились. Всё-таки старику было за восемьдесят — по китайским меркам такая смерть считалась «радостными похоронами».

Под руководством смотрителя Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян бережно опустили совершенно пустую шкатулку в нишу. Рабочие накрыли её тяжелой мраморной плитой, подогнав её так плотно, что не осталось ни малейшей щели.

Они отвесили последний поклон надгробию.

На этом похороны были окончены.

<http://bllate.org/book/17504/1659950>